

УДК 94

«ОТКУДА ЭТОТ КАВКАЗСКИЙ, БОЙКИЙ ВЗГЛЯД У ПОЛЬСКОГО ПАНА?»: КАВКАЗ В РАЗМЫШЛЕНИЯХ НА ТЕМУ ЭТНОГЕНЕЗА ПОЛЯКОВ

П. Адамчевски

Институт политических исследований Польской академии наук, Варшава

В статье представлено значение Кавказа в различных концепциях, касающихся этногенеза поляков. Первое упоминание о кавказском происхождении предков поляков (предков польской шляхты) появилось еще в эпоху Возрождения. Оно значительно развилось в эпоху романтизма, а самую полную концепцию об участии народов Кавказа в зарождении государства и польского народа представил Адам Мицкевич. С XX в. подобная информация появляется спорадически и преподносится в качестве легенды.

The article presents information regarding the significance of the Caucasus in relation to various concepts of Polish ethnogenesis. The first mention of the Caucasian origins of Polish nobility appeared during the Renaissance. The concept of the involvement of the people of the Caucasus region in the birth of the Polish state and nation was intensified during the Romantic era and was presented most comprehensively by one of their greatest writers, Adam Mickiewicz. As from the XX century, pieces of information of this type appeared sporadically and is mostly found in the category of legends rather than historic facts.

Ключевые слова: польско-кавказские связи, этногенез поляков, сарматы, авары, лазы, ляхи, Адам Мицкевич.

Keywords: Polish-Caucasian relations, ethnogenesis of the Poles, Sarmatians, Avars, Laz people, Lachy, Adam Mickiewicz.

Начало научного интереса к Кавказу в Польше связано с исследованиями по этногенезу поляков и формированию их государственности. На закате Средневековья и в эпоху раннего Возрождения широкую популярность приобрела идея о том, что поляки якобы являются потомками сарматов¹. Возникновение такой точки зрения в значительной степени обусловлено обращением гуманистов того времени к античности. Для польских интеллектуалов XV–XVI вв., занимавшихся поисками «древних корней» поляков, или точнее – польской шляхты, наиболее «подходящими» для этой цели были как раз сарматы. Этот народ, известный, в частности, по трудам Клавдия Птолемея и Страбона, изображался как чрезвычайно смелый и воинственный. Таким образом, представление его как своих предков было своего рода облагораживанием нации. При этом было важно географическое размещение сарматов. Птолемей (Ptol. Geogr., III.5.1) писал, что они проживают над Вислой (Οὐιστούλας/Вистула), а с юга распространились до Сарматских гор (отроги Карпат: Ptol. Geogr., II.11.4). То есть территория расселения сарматов в европейской Сарматии примерно соответствовала области проживания современных поляков.

В дальнейшем тезис о сарматском происхождении поляков стал вытеснять другие мнения, также опиравшиеся на античных авторов. Одним из них был тезис о происхождении поляков и других западных славян от вандалов². Например, Викентий Кадлубек³ в свой труд “Kronika Polska”, написанный на рубеже XII–XIII вв., включил легенду о Ванде – легендарной дочери князя Крака, основателя Кракова. При этом автор в сноске замечал, что от Ванды происходит название реки Вандалус (т.е. Вислы. – П.А.), протекающей посередине ее царства, а подданные ее назывались вандалами [1, с. 45]. В свою очередь автор так называемой “Kronika Dzierzwy” начала XIV в. писал, что в «первую очередь нужно знать, что поляки произошли от рода Иафета, сына Ноя [...] Алан – первый прибывший в Европу – породил Негнона, Негнон стал отцом четырех сыновей, из

которых первенцем был Вандал, от которого произошли вандалиты, теперь называемые поляками» [2, с. 7]. Однако идея, связывающая поляков с вандалами, утрачивает свое значение с развитием исследований по истории Древнего мира и идеализацией античной культуры. Вандалы стали тогда ассоциироваться с варварскими вторжениями на территорию Римской империи и большим грабежом Рима в 455 г., породившим позднее (в 1794 г.) термин «вандализм», и перестали быть народом, который можно было использовать для «облагораживания» польской знати.

Ян Длугош⁴, автор самого выдающегося произведения польской средневековой историографии “*Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae*”⁵, постоянно называл Польшу «Сарматией», а поляков отождествлял с сарматами [3, с. 3]. По его мнению, сарматы были потомками Негнона, сына Алана, который происходил из рода Иафета⁶. Негнон со своим народом вышел из Сennaар⁷, прошел Грецию и поселился на берегу Черного моря в устье Дуная. По мнению польского историографа, именно Паннония⁸ была первоначальным местом поселения славян [3, с. 17].

С идеей происхождения поляков от сарматов связано суждение, что Кавказ (главным образом, Колхида) был одним из мест обитания предков поляков. Это мнение высказал в “*Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lithuanorum libri VIII*” Станислав Сарницки⁹, который во времена короля Стефана Батория (1575–1586) описал их историю начиная с III тыс. до н.э. Упоминания о Кавказе, однако, появлялись в этот период спорадически и не играли главной роли в представлении истории поляков [4, с. 21–22]. Через двенадцать лет после работы С. Сарницкого небольшой трактат под названием “*O Czechu y Lechu historia nagoniona*” написал Ян Кохановски¹⁰. В нем появилась ссылка на теорию кавказского происхождения поляков, но автор выразил сомнение в возможности окончательного объяснения, где находилась их прародина [5]. Литературовед Юлиан Машлянка отмечал, что работа Кохановского на фоне польской историографии XVI–XVII вв. была исключением. По мнению исследователя, она не вызвала особого интереса у современников писателя, вероятно, потому, что он посмел провозгласить новые идеи, вступившие в противоречие с общепринятыми, в частности о том, что братья Лех и Чех¹¹ пришли с Балкан, а этнические наименования поляков и чехов происходят от этих «праотцов» [6, с. 39–40]. В нескольких работах Я. Кохановского можно найти фрагменты, которые свидетельствуют о том, что он был сторонником идеи о кавказском происхождении поляков. В упомянутой выше работе Я. Кохановски поставил под сомнение принадлежность поляков и чехов к славянской семье, утверждая, что они «не были настоящими славаками никогда» [5, с. 9]. В то же время он высказал предположение, что предками чехов были живущие на Кавказе цеки¹². При этом Я. Кохановски не исключил, что поляки, прежде чем они стали известны под названием «ляхи», были одним народом с чехами и только позднее отделились от них [5, с. 12]. В изданном в 1587 г. сочинении “*Proporzec albo hołd pruski*”, в котором автор воспевал мощь Речи Посполитой, он вновь предположил кавказское происхождение поляков:

Это лакси, откуда упомянутый лях,

Это богатые цеки, чье имя носят современные чехи [7, с. 13].

(Подстрочный перевод наш. – П.А.)

Вероятно, под термином «лаксы» у Я. Кохановского понимаются лазы [6, с. 40]. Но не исключено, что автор имел в виду здесь дагестанские народы, которые известны у античных авторов под собирательным этнонимом *Legi*, у грузинских – *лекос* (леки, ლეკობი), у европейских – *Lagzi*, и, в частности, лезгин, известных арабо-персидским авторам под термином *лакз/лакзан* (см., напр., [8]).

В 1745 г. Ян Скорски¹³ опубликовал выдающееся для той эпохи сочинение “*Lechus, carmen heroicum*”. По мнению исследователя польской литературы Романа Кшиwego, это героический эпос, напоминающий вергилианскую модель. В своем труде Я. Скорски возвел польскую шляхту до жителей Колхиды, ссылаясь при этом на легенду об аргонавтах. По мнению автора, Лех привез из далекой земли в Польшу золотое руно, которое является аллегорией самой большой гордости дворянства – золотой свободы [9, с. 279]. Такая наррация была вызвана желанием автора противопоставить свою теорию распространению в то время мнению о происхождении поляков от сарматов, которых он считал недостойными такой роли. По этой причине в предисловии к своему произведению Я. Скорски писал:

Благородство родины будет прославлено
И что не из простой крови Польша родилась.
Не из сарматов, как многие думают,
С золотой свободой наша Польша встает [10, с. 6].

(Подстрочный перевод наш. – П.А.)

Тем не менее позднее в течение нескольких десятилетий сарматов стали повсеместно объединять со скифами, а место их первичного обитания размещать на Кавказе. В частности, в конце XVIII – начале XIX в. Гуго Коллонтай¹⁴ утверждал, что скифы были народом славянским, а их колыбелью он считал Кавказ, который, кроме того, был местом, откуда должны происходить все народы мира. По мнению Г. Коллонтая, от языка славян произошли остальные языки мира и на их языке должны были говорить коренные жители Кавказа еще в конце XVIII в. [11, с. 300–303]. В связи с этим можно заметить, что польско-кавказские связи начали выходить за пределы обычной торговли и дипломатических контактов и становились чем-то более глубоким в сознании польских интеллектуалов – были «найжены» общие корни происхождения, а Кавказ назван прародиной поляков, или в более широком смысле – славян.

Против идеи сарматского происхождения поляков выступили гуманисты эпохи Просвещения. Один из самых известных польских историков того времени Иахим Лелевель¹⁵ классифицировал этот тезис уже как категорию «сказки». В своей книге “*Dzieje Polski*”, написанной в разговорной форме, он, излагая свое мнение об этногенезе поляков и славян, пропагандировал автохтонную теорию и утверждал, что такая большая группа, как славяне, не могла быть пришлой, а должна была сформироваться в районе их нынешнего проживания. Согласно И. Лелевелю, сарматы были лишь небольшой группой, которая пришла из района Кавказа, а в обычаях, одежде и оружии напоминала черкесов. Она попала в Европу (в украинские степи или в Паннонию), разделилась на несколько орд, которые перемещались без определенной цели и со временем были разбиты и истреблены другими народами [12, с. 14–15].

Свои соображения о сарматах И. Лелевель изложил также и в работе “*Narody na ziemiach słowiańskich przed powstaniem Polski*”, во вступительном томе, опубликованном в 1853 г. В предисловии к нему он указал, что с 1806 по 1808 г. подготавливал текст, касающийся сарматов, который, однако, остался только в виде рукописи. Историк отмечал, что его содержание противоречило приверженности славян, особенно поляков, к теории происхождения от сарматов [13, с. VI–VII]. По его мнению, сарматы, как и скифы, тевтоны¹⁶ и гунны¹⁷, вымерли и канули в Лету [13, с. XV]. В другой своей работе, “*Wyjątek z rozprawy historycznej*”, И. Лелевель писал, что скифов, живущих на правом берегу Дона, разбили сарматы, ранее проживающие на левобережье. Позднее они двинулись далее в Европу, где дошли до Вислы и в конце концов исчезли, теснимые готами, германскими и другими племенами. По мнению историка, из-за отсутствия источников

невозможно говорить о происхождении сарматов. Он считал, что они образом жизни напоминали черкесов, и если оба народа не были братскими, то, по крайней мере, возникли в одной области, расположенной на Северном Кавказе. И. Лелевель в то же время критиковал авторов, пропагандировавших идею о том, что поляки произошли от сарматов, так как «никаких доказательств, кроме всеобщего согласия, на протяжении почти тысячи лет после исчезновения сарматов [...] не было» [14, с. 71–81].

Польский историк свою позицию в вопросе о происхождении славян и о том, какие группы народов обитали на славянских землях перед появлением поляков, представил в дальнейшей части работы “Narody na ziemiach...”. Он ссылаясь в ней на концепцию Вавжинца Суровецкого¹⁸, который как один из первых польских гуманистов отверг миграционную теорию и высказался в пользу автохтонного происхождения славян [13, с. 501]. По мнению И. Лелевеля, славяне произошли от гето-даков¹⁹, которые населяли широкие просторы Центральной и Восточной Европы [13, с. 547]. В то же время он не упоминал о влиянии народов Кавказа на этногенез поляков. И. Лелевель указал только на то, что племена алан-ассов²⁰, которые располагались в окрестностях Кавказа, после своего прибытия в Европу, отделенные от своих южных мест обитания, перемещались между германскими и славянскими племенами; со временем часть их вымерла, а часть погибла в столкновениях с местным населением [13, с. 141]. Историк подчеркивал, что «полностью обособленной (от сарматов. – П.А.) ветвью мидийского населения были аланосы. Никто не считал их сарматами» [13, с. 129].

И. Лелевель был самым выдающимся польским историком первой половины XIX в. и сыграл важную роль в развитии современной польской историографии. Во второй половине XIX в. началась эволюция, связанная с распространением идей романтизма в интерпретации истории. Результатом было, помимо прочего, изменение восприятия Кавказа и влияния кавказских народов на этногенез поляков и создание польского государства. Это явление можно наблюдать, например, в историографии Адама Мицкевича²¹, ученика И. Лелевеля. По мнению Анджея Вашко, исследователя литературы периода романтизма, А. Мицкевич принадлежал к поколению, которое, как никакое другое, было увлечено изучением и осмыслением истории. Он связывает это с тем, что молодежь того времени извлекала из лекций истории шаблоны, по которым можно было понять и оценить реальность независимо от «официальной истины» [15, с. 16], т.е. представляемой захватническими государствами. Это стало особенно важно в ситуации потери Польшей независимости, когда изучение национальной истории считалось патриотическим долгом. По этой причине в первой половине XIX в. можно найти статьи, в которых авторы с оттенком сожаления замечают, что на лекциях И. Лелевеля часто не было «никакого патриотического упоминания» [16, с. 1]. В то время как, по мнению современников, история имела важную практическую задачу – она должна была воспитывать уважение к поработанной родине.

Как подчеркивает А. Вашко, А. Мицкевич довольно быстро начал отступать в своем творчестве от лелевельской школы, основанной на принципах Просвещения. Причиной этого был именно романтизм, который признавал призму иррациональных способов познания и отходил от методологических положений предшествующей эпохи, предусматривающих анализ исторических источников [15, с. 22]. Важен был также значительный рост философского осмысления истории. Это все повлияло на то, что А. Мицкевич выступил против классиков, в т.ч. и против И. Лелевеля, и встал в оппозицию к системе, ограниченной очевидным эмпиризмом, и к науке как элитарному знанию [17, с. 187].

А. Мицкевич, как историограф, противопоставлял «ученой истории» (научной правде) «народную историю» (народную правду), в которой видел, по словам А. Вашко, бо-

лее высокое значение, чем в фактографической точности. По мнению исследователя, это было обусловлено тем, что для поэта именно народная история вела к познанию моральной правды о справедливости вне времени в большей степени, чем эмпирическое знание. Истина, полученная в результате научных исследований, никогда не была для А. Мицкевича окончательной и общепризнанной, в то время как правда, происходящая из народных традиций, являлась наиболее важной и в своем объеме окончательной [15, с. 24]. А. Вашко полагает, что это не означало, что поэт буквально верил в то, что сам называл «мифической историей», но, как романтик, считал ее путем истины, происходящим из прошлого [15, с. 37].

А. Мицкевич поднимал исторические темы также в своих академических лекциях и историографических трудах. Вопрос участия народов Кавказа в этногенезе поляков А. Мицкевич изложил в работе “*Pierwsze wieki historii polskiej*”. Она не была опубликована при жизни поэта и сохранилась только в рукописях середины 1830-х гг. “*Pierwsze...*” издал Владислав Мицкевич, старший сын поэта, в Париже в 1868 г. По мнению ее автора, славяне были племенем, происходящим от Иафета, и прибыли в Европу из глубины Азии, через Кавказ, Волгу и Дон на Днепр. Оттуда они последовали на север и запад, занимая территории, которые примерно соответствуют области их современного расселения [18, с. 9–10]. Славяне, хотя и были, с точки зрения А. Мицкевича, одними из первых насельников в Европе, являлись пассивным и «несчастливым» племенем, угнетенным «высшими морально» народами [18, с. 16]. В значительной степени это явилось следствием исповедания славянами традиционной религии и непринятии религии откровения (т.е. христианства). Без нее не развилась среди них «моральная власть» и высшая организация, которая позволила бы создать государство [18, с. 26–27]. Эту силу, необходимую для строительства государства, по словам А. Мицкевича, принесли славянам два чужих народы из двух разных частей мира: с Кавказа и из Скандинавии.

В соответствии с концепцией А. Мицкевича Кавказ населяли арии-мидийцы²², одно из самых диких и воинственных племен. Они делились на три группы: на Черном море проживали керкеты²³, которые называли себя адыгами и адзыгами, центральную часть Кавказа населяла главная ветвь ариев, а у западного побережья Каспийского моря – «леги, т.е. лехи»²⁴. Таким образом, А. Мицкевич под названием «арии» объединил три отдельные этноязыковые группы: адыгов, язык которых относится к адыго-абхазской семье, индоевропейских ариев, а также дагестанских легов, с которыми, вследствие созвучия, отождествлял лехов, т.е. ляхов – название, которое использовали (в некоторых случаях продолжают использовать и ныне) восточные славяне и некоторые другие народы, а также скандинавы для обозначения поляков²⁵.

Согласно А. Мицкевичу, термин *лаг* и его вариации *лях*, *лех* и *лек* означали в кавказских языках человека, мужа, воина²⁶, и они являлись названиями не племени, а группы самых доблестных людей, живущих в восточной части Кавказа [18, с. 28]. Несмотря на часто подчеркиваемые противоречия во мнениях А. Мицкевича и И. Лелевеля, оба считали, что название *лех/лехичи* не следует отождествлять с конкретным народом²⁷ и что оно имеет сословный, а не этнический характер, так же как термины *серб* или *хорват* [19, с. 271].

По мнению А. Мицкевича, в первые века н.э. леги должны были пройти через Кавказ, покоряя ариев, и прийти к Черному морю, где по обе стороны реки Фазис²⁸ основали государство, жителей которого греки называли лазами [18, с. 28]. А. Мицкевич, таким образом, отождествлял дагестанских легов с лазами – одним из картвельских народов, проживающим в настоящее время на северо-востоке Турции.

По А. Мицкевичу, лазы заняли стратегическую область на Кавказе, которая была ключом к двум частям света – Европе и Азии, и среди них мужеством и численностью выделялись авары – при этом он не объяснил их происхождение и название, очевидно, он рассматривал аваров как одну из групп леггов/лазов/ляхов²⁹. Они были союзниками византийских кесарей, которые просили их помочь в борьбе с ордами кочевых тюркских племен. Авары, однако, постоянно воюющие и все более теснимые вражескими племенами, решили поискать новое, более безопасное место. По этой причине они отправились через Кубань, Дон и Днепр в Европу вместе с частью лазов и дайнов, т.е. цехов [18, с. 30] – в последнем случае А. Мицкевич, вероятно, имел в виду зихов, т.е. предков современных адыгов. Как видно, А. Мицкевич отождествлял дагестанских аварцев и ранне-средневековых кочевников аваров – племя центральноазиатского происхождения, ушедшее с Северного Кавказа и основавшее в Центральной Европе Аварский каганат (VI–IX вв.).

Согласно А. Мицкевичу, после ухода аваров с Кавказа царство лазов лишилось значительного количества храбрых воинов. Теснимое персами, армянами и грузинами, оно было не в состоянии выстоять и распалось. Остатки лазов, как утверждал А. Мицкевич, «бродили среди турок и татар у реки Карс»³⁰ [18, с. 31]. В свою очередь бывших соседей лазов, по его мнению, иров³¹, называли аланами, а их орды еще неоднократно приходили в Европу. Тех, кто остался на Кавказе, иноземцы называли оссами,³² или осетинами. Они, как и адзыги, прозванные соседями черкесами, сохранили (во время А. Мицкевича) то же устройство, как у части лазов и аваров перед миграцией. Однако, забросив христианскую религию и не приняв ислам, они потеряли своих правителей, но одновременно не поддались деспотизму турецких пашей.

На Восточном Кавказе, по мнению А. Мицкевича, старейшие и воинственные племена ляхов, такие как авары, дидойцы³³ или акоучи³⁴, после падения царства лазов одичали и перемешались с тюркскими и монгольскими племенами. Они остались независимыми, но начали жить за счет разбоев и грабежей. По словам А. Мицкевича, иностранцы называли их лезгинами, а армяне и грузины – «леки»³⁵ и «лехи». Он констатировал также, что они не имели общего названия, потому что народа не создали [18, с. 31].

Эти племена, вышедшие с Кавказа, прошли Дунай и поселились в Паннонии³⁶. Здесь аварцы/авары держали в страхе, по мнению А. Мицкевича, местное славянское население и сделали из них рабов. Тем не менее, в отличие от гуннов, которые являлись кочевым народом, живущим грабежами, они стали вести оседлый образ жизни. Самым отдаленным местом, куда дошли авары, была, по словам А. Мицкевича, река Лех – правый приток Дуная, протекающий в Германии и Австрии.

В отличие от А. Мицкевича, который вел повествование, не ссылаясь на источники, И. Лелевель объяснял враждебные отношения между славянами и аварами в Паннонии, ссылаясь на Менандра Протектора, византийского историка VI в., описавшего войны аваров со славянами (Menander, fr. 6, 48, 63, 64). Кроме того, И. Лелевель ссылался на Фредегара³⁷ и Нестора³⁸, которые также писали о подавлении славян аварами [19, с. 242–243].

Согласно А. Мицкевичу, часть ляхов и лазов, прибывших с Кавказа в Паннонию, отправилась в Карпаты. В подтверждение этого тезиса автор привел топографические названия объектов местностей, расположенных между Паннонией и Карпатами, которые более или менее были похожи на названия *ляхи* или *лазы* – Левоча³⁹, Ликавка⁴⁰, Легнава⁴¹, Лазы⁴² и мн. др. – и появление которых он связывал с миграцией этих народов. В исторической области Спише на границе Словакии и Польши, в окрестностях Кренпака⁴³, мигрирующие лехи якобы увидели орлов, которые напомнили им родных птиц с

Кавказа, и лехи приняли это за доброе предзнаменование и основали город Гняздо [18, с. 31]. А. Мицкевич, таким образом, перенес расположение города Гнезно, который в X в. являлся одним из столичных городов древнепольского государства первых Пястов, с центральной части страны на юг. Согласно легенде, впервые записанной в так называемой “Kronice węgiersko-polskiej” (нач. XIII в.), Гнезно было основано Лехом, чьим младшим братом был Рус, а старшим – Чех [20, с. 105].

Из Гняздо, которое, по Мицкевичу, основали прибывшие с Кавказа лехи, они начали проникать в земли, простирающиеся к северу от Карпат, т.е. на территорию современной Польши. Здесь они встретили разделенные и раздробленные народы, что было следствием более ранних нашествий гуннов. Лехи легко освоились на склонах Карпат, а затем и на равнинных землях между Вислой и Бугом и позже вышли к реке Одер и Балтийскому морю. Именно тогда лехи перенесли свою столицу из находящегося в Карпатах Гнезно в район реки Вислы и основали Краков.

По мнению А. Мицкевича, среди прибывшего с Кавказа народа было мало женщин, и поэтому лехи брали в жены славянок (но авары, поселившиеся в Предкарпатье, привезли с собой женщин и детей, и по этой причине они не смешивались с аборигенами). В связи с численным большинством местного населения дети, рожденные от таких союзов, говорили на языке матерей, и лехи все быстрее растворялись в местном славянском населении [18, с. 36]. Таким образом, со временем они перестали быть отдельной ордой и, ассимилировавшись со славянским племенем полян, стали называть себя поляками [18, с. 52].

В дальнейшей части своей работы А. Мицкевич отмечал, что лехи в польском обществе составили высокий социальный слой, который подразделялся на *магнатов* и *шляхту* (этимология термина *шляхта*, согласно ему, должна была иметь связь с ляхами/лехами)⁴⁴. Они находились в тесных отношениях с местными жителями, и многие богатые поляне (т.е. славянские предки поляков) стали лехами, т.е. шляхтой [18, с. 87].

Теория о происхождении шляхты от иного народа, нежели остальное общество, не была, однако, новой. Похожую идею выдвинул в XVII в. Павел Франчишек Парисиус⁴⁵ и ссылающийся позднее на него Каспер Несецкий⁴⁶. Оба они были геральдистами и считали, что, по крайней мере, часть польской шляхты происходит от сарматов (см., напр., [21, с. 15; 22, с. 15, 70]). Поэтому они искали на гербах некоторых родов сарматскую символику (см., напр., [21, с. 166]). Однако А. Мицкевич считал, что не сарматы, а народы Кавказа сыграли ключевую роль в создании польского общества и польского государства. При этом, по его мнению, лехи не пропали бесследно: в славянах осталась их кавказская кровь, они приняли их политическую мысль и военные обычаи. Объединение двух компонентов, славянского и кавказского, повлияло на изменение менталитета местных жителей, которые стремились перейти на более высокий уровень политического развития и чувствовали необходимость единства, верховной власти и централизации, т.е. создания государства, которого ранее не имели. По этой причине со временем ими было принято также и крещение.

В историософии А. Мицкевича переселение лехов с Кавказа на территорию Польши явилось Провидением. По его мнению, пока на Востоке находился «ковчег истины и цивилизации» (А. Мицкевич отождествлял его с рождением христианства на Ближнем Востоке), а с волжских и донских степей грозили нападения скифов, лехи/ляхи были необходимы на Кавказе. Как доблестный и ценящий свободу народ, они были барьером, защищающим земли, находящиеся на юге. Но когда «столица веры и света» перенеслась на Запад (А. Мицкевич имел здесь в виду усиление Рима как столицы западного христианства), а опасность начала исходить не только из предкавказских степей, но и из дру-

гих мест, появилась необходимость в создании более широкой защиты. По этой причине лехи/ляхи вместе с другими народами Кавказа переселились на славянские земли, чтобы создать цивилизационную охранную преграду от моря до моря (в данном случае речь шла о преграде, простирающейся от Балтийского до Черного и Средиземного морей). Значимым или даже символическим для А. Мицкевича было то, что пришедшие сохранили свое раннее размещение [18, с. 52] – с одной стороны Карпат поселились ляхи, а с другой – чехи, что должно было напоминать об их расположении на Кавказе (с одной стороны гор Кавказа ляхи/леги, с другой – зиги/чехи).

Однако в силу своей малочисленности ляхи были не в состоянии защитить такую большую территорию. По этой причине они соединились со славянами (что важно для мистцизма А. Мицкевича – он имел в виду только западных славян) с целью совместного противостояния «всему Востоку и всему Северу, всем врагам креста и Вселенской Церкви» [18, с. 38]. В то время, по словам А. Мицкевича, произошло разделение славян на восточную часть (русскую), куда влились из Скандинавии русы – варяжское племя, и на западную (чешско-лехскую), в которую вошли народы с Кавказа [18, с. 40]. Со временем эти две части начали территориально расширяться, что привело к военным столкновениям между ними. Однако сохранилась народная память о былом единстве и братстве, которое отражает история о трех братьях: Чехе, Лехе и Русе [18, с. 40].

Авторство теории о том, что народы Кавказа сыграли важную роль в этногенезе поляков и формировании польской государственности, не принадлежало А. Мицкевичу, хотя именно он значительно расширил эту концепцию. Создателем этой теории, иногда называемой колхидско-сарматской, был немецкий историк из Гданьска Готфрид Ленгних⁴⁷. Его научные взгляды связаны с отрицанием историчности славянских мифов и попытками найти их колыбель-прародину [6, с. 50–51]. Именно он первым выдвинул идею о том, что в V в. н.э. с Кавказа отправились две группы мигрантов: группа *лязов* дала начало полякам (изменение названия по схеме: лязы > ляцы > *Polacy*/поляцы/поляки), а группа *зихов* – чехам (зихи > захы > цехы > чехи) [23, с. 32].

Наиболее распространенную этимологию терминов *поляки* и *Польша* представил уже в середине XVI в. польский гуманист, историк и религиозный деятель Мартин (Марчин) Кроммер в своем сочинении «О происхождении и деяниях поляков, в 30 книгах» (лат. “De origine et rebus gestis Polonorum libri XXX”), изданном в Базеле в 1555 г. Он предложил две версии происхождения названия *Polska*/Польша. Первую он связал со словом *pole/поле*, а вторую – с первым князем поляков – Лехом [24, с. 471]. Однако для Г. Ленгниха более убедительной была связь названия *Polska* с лазами, прибывшими с Кавказа, которые сохраняли свое название еще во времена царствования Мешко I (935–992). Именно их он видел в упомянутом Видукиндом⁴⁸ народе, называемом *licicaviki* [6, с. 52] (в настоящее время считается, что *licicaviki* – это искаженное название западнославянского племени любушан). Тем не менее для Г. Ленгниха ни зихи, ни лазы не были кавказцами с точки зрения этнической принадлежности, он считал их славянами сарматского происхождения [6, с. 52].

В течение следующих нескольких десятилетий теория Г. Ленгниха получила широкое распространение [25, с. 97]. К ней обращались самые известные польские историки второй половины XVIII века – Ян Баптист Альбертранди⁴⁹, Теодор Вага⁵⁰ и Юзеф Каеган Сксшетуски⁵¹. К этой концепции также склонялся Адам Нарушевич⁵². Он вывел лехов из «сарматской орды ляцов» (оттуда произошло и название *Polacy*/поляцы/поляки), пришедшей в Европу вместе со своими сородичами зехами во время нашествия гуннов [26, с. 117]. Близость ляцов и зехов символизировала легенда о Лехе и Чехе (А. Нарушевич про-

пустил в ней Руса). Ляцы, отождествляемые историком с лазами, оставив Кавказ, достигли славянских земель и смешались с местным населением, дав начало полякам. Название *ляхи*, по мнению А. Нарушевича, должно было происходить именно от лазов, и потому он подчеркивал, что «русины поляка лазем, т.е. ляхом называют» [26, с. 242]. В свою очередь зехи, давшие начало чехам, – это для историка зиги, т.е. адыги (черкесы). Стоит отметить тот факт, что последних А. Нарушевич тоже считал славянами – он писал, что черкесы «являются славянским и одним с чехами народом» [26, с. 257]. В другой своей работе, опубликованной впервые в 1787 г., он замечал: «...земля лазов или ляхов была там, где сейчас Грузия» (т.е. Грузия) [27, с. 123].

Сторонником теории миграции ляхов с Кавказа был также Юзеф Сенковски⁵³, востоковед, профессор Санкт-Петербургского университета. Поначалу он придерживался идеи о том, что польская шляхта была иного этнического происхождения, чем собственно польский народ, и пропагандировал мнение, что представители высшего слоя польского общества имели тюркское происхождение. Затем Ю. Сенковски полагал, что польская шляхта – это остатки варварских орд, господствующих некогда над славянами. Ученый склонялся к мысли, что это были авары, чье название сохранилось на Кавказе, подобно этнониму *лехи/лезги* [28, с. 78]. По мнению востоковеда, свидетельством польско-кавказских связей были лексические заимствования, прежде всего касающиеся оружия и одежды, взятые из языка, на котором еще в XIX в., по мнению исследователя, говорили тюркские племена, жившие на побережье Каспийского моря. Также традиционный польский наряд должен являться на самом деле лезгинским костюмом, который попал в Польшу через татар [29, с. 240]. Следует отметить, однако, что в конечном счете Ю. Сенковски отказался от своей концепции о происхождении польской шляхты от завоевателей, пришедших с Кавказа, назвав ее «глупостью» [28, с. 121].

Концепцию объединения кавказских народов со славянами и возникновения впоследствии на этой этнической почве поляков исследователи отклонили во второй половине XIX в., что было связано с развитием кавказоведческих исследований. Из них следует, что дагестанских лезгинов, картвельских лазов и славянских ляхов связывает только сходство названий, начинающихся на *ла/ле/ля*, но на основе имеющихся научных данных нельзя доказать этнокультурную связь между группами с Кавказа и предками поляков. Уже И. Лелевель подобные соображения рассматривал как сказки и не без иронии писал, что Г. Ленгних «мечтал» доказать, что ляхи произошли от лазов и колхов, а чехи – от зихов. В другой своей работе И. Лелевель писал о колхидско-сарматской теории немецкого историка, что «наиболее неуклюжее предположение, подкрепленное догадками, соединило в его представлении кавказских лазов и зихов с ляхами (поляками) и чехами. Эта жалкая идея, и кроме некоторого сходства первых звуков, не может даже представить других доказательств» [30, с. 260].

Тем не менее в середине XIX в. теория происхождения предков поляков, особенно польской шляхты, с Кавказа имела много сторонников, преимущественно в традиционалистских кругах, пытавшихся возвеличить эту социальную группу. Это хорошо иллюстрируется статьей, напечатанной весьма консервативным изданием “Przegląd Roznanski”⁵⁴. Ее автор⁵⁵, пропагандируя идею о связи польской шляхты с народами Кавказа, писал, что Юлиус Клапрот считал, что термин *Leh (лех)* пришел из аварского языка, а грузины называют лезгинов *лек*⁵⁶. Автор статьи привел сведения о том, что персидские и турецкие летописцы называют лезгин *легзи*, а поляков – *лех/лехи*. Одновременно он выступил против И. Лелевеля, не согласного с мнением П. Шафарика⁵⁷ и А. Мицкевича, которые были убеждены в азиатском происхождении польской шляхты. Он утвер-

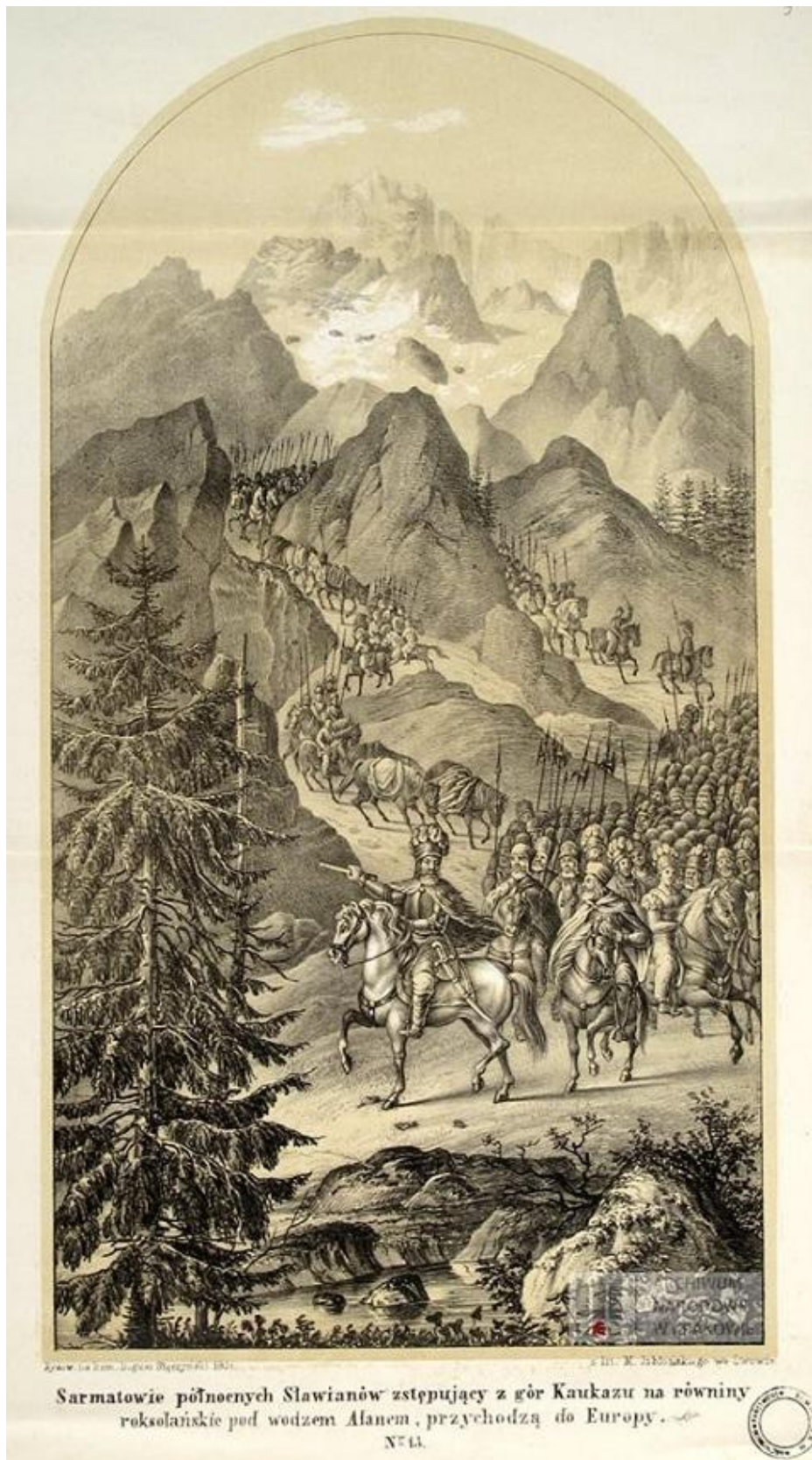
ждал, что позиция И. Лелевеля обусловлена тем, что он «не любит ни панов, ни шляхты, ни лехитов, ни Леха». В статье автор подчеркнул, что, вчитываясь в летопись Галла⁵⁸ и в то же время зная Кавказ и обычаи его жителей, можно увидеть сходство Польши с этим регионом [16, с. 20–21]. В подтверждение связи поляков (интересно, что только поляков, а не других славян) с Кавказом он привел, среди прочего, лингвистические аргументы – в польском языке есть звуки, которых нет в других славянских языках, но которые присутствуют в грузинском, черкесском и других языках народов Кавказа (речь шла о звуках [dz], [dź], [ść], [ć]). Еще одним свидетельством были сходные названия местностей на Кавказе и в Польше, а также то, что польские правители одевались «повосточному». Помимо этого, образ жизни грузин якобы напоминал образ жизни польской шляхты. Автор при этом задавал риторический вопрос: «...но, прежде всего, откуда этот кавказский, бойкий взгляд у польского пана?» Для него было очевидно, что лехи, которые сформировали польскую шляхту, должны были прийти с Кавказа [16, с. 21–23].

По случаю размышлений о восприятии Кавказа в эпоху романтизма следует также упомянуть оставшуюся незаконченной историософскую поэму Юлиуша Словацкого⁵⁹ “Król-Duch”, над которой он работал до конца своей жизни. И в ней можно найти отголоски теории о кавказском происхождении поляков. В первой части работы ключевой фигурой является Хер Арменьчик, чей дух после смерти тела на Кавказе вселяется в Попеля⁶⁰, чем инициирует ряд польских королей-духов [31]. По мнению Ю. Машлянки, поэт не столько считал Кавказ исконной родиной поляков или вообще славян, сколько видел в Армении колыбель всего человечества, и это мнение было весьма популярно в то время [6, с. 216–220].

Несколько иной ответ на вопрос, почему у Ю. Словацкого польский «дух» происходит с Кавказа, дает Эльжбета Кишляк. В своей книге “Car-trup i król-duch” Э. Кишляк цитирует переписку Ю. Словацкого и А. Чарторыйского⁶¹, в содержании которой она увидела мистицизм поэта, верящего в тайные связи между великой эпопеей и историей мира. В одном из своих писем Ю. Словацкий подчеркивал: «В последнем столетии разбили форму поэзии, и народы показали свои духи – страшно, сколько у нас уже русских». Э. Кишляк заметила, что из записок поэта следует, что он был особенно не расположен к поэзии «духа из степи». Она привела при этом цитату: «О, какой страшный элемент песни, которая дует с Днепра... а не думающими лебедями на Висле повторяема, непрерывным качанием движется и медленно к краху склоняет наши прежние высокие народные колонны...» [32, с. 351]. Вполне возможно, что Ю. Словацкий считал, что польский дух происходит с гор Кавказа, т.к. хотел поставить его в противовес духу «из степей», который связывал с русской культурой.

Представление о кавказском происхождении предков поляков отразилось не только в литературе, но и в живописи. В качестве примера здесь можно привести гравюру (литографию) Михала Стаховича⁶² под названием “Sarmatowie północnych Słowianów zstępujący z gór Kaukazu na równiny roksolańskie pod wodzem Alanem, przychodzą do Europy” (1850 г.) (рус.: «Сарматы северных славян, спускающиеся с гор Кавказа на роксоланские равнины под предводительством Алана, приходят в Европу») (см. иллюстрацию).

О польско-кавказских связях в древности упоминали также в своих воспоминаниях польские ссыльные, которые оказались на Кавказе в середине XIX в. Один из них, Юлиан Сужицки, писал, что жители кумухского ханства, т.е. лаки/лакцы, вероятно были когда-то славянами или имели тесные контакты с ними. Доказательством для него были слова, которые напоминали ему польские. В качестве примера автор привел слово *здрув*, которое использовали местные жители при приветствии [33, с. 234] (вероятно, речь шла о слове *бивзрав*, которое в лакском языке употребляется при приветствии женщин, или о слове *ивзрав*, используемом при приветствии мужчин).

М. Стахович. «Сарматы северных славян, спускающиеся с гор Кавказа в роксоланские низины под предводительством Алана, приходят в Европу», 1850 г. (Источник: Archiwum Narodowe w Krakowie.

URL: <https://www.facebook.com/ArchiwumNarodoweKrakow/photos/a.324155104361422.68695.324002311043368/429649597145305/?type=1&theater> (дата обращения: 08.02.2017)

Тем не менее не всеми поляками польско-кавказские связи принимались всерьез, иногда они становились предметом шуток. Одним из примеров может служить история, рассказанная Матеушом Гралевским в книге «Кавказ. Воспоминания о двенадцатилетней неволе». Поляк писал, что одному из офицеров армянского происхождения по фамилии Лазарев⁶³ власти поручили подготовку научной информации, касающейся отдельных поселений на Кавказе. По словам М. Гралевского, этот офицер следовал принципу импровизации, представлял историю в соответствии со своей собственной фантазией и утомлял своими рассказами всех знакомых. Один поляк, пытаясь пошутить над Лазаревым, сказал, что он не прав, утверждая, что жители Чоха⁶⁴ являются потомками европейских крестоносцев. Поляк в шутку стал доказывать, что они на самом деле были славянами. В подтверждение этого он отметил, что даже название села напоминает название «чехи». Также он утверждал, что на Кавказе в прошлые века жили поляки. Лазарев выступал против этой точки зрения и сказал, что ни одна летопись об этом не упоминает. Поляк ответил, что ему дела нет до книг, когда его окружают живые памятники тех событий. Он начал говорить о том, что на восточном побережье Черного моря живут лазы, которых многие считают предками поляков (в этом утверждении просматривается тезис о кавказском происхождении лехов/ляхов). Он привел аргумент, что «лезгины называют себя лекси⁶⁵, и что „к“ произносят как „х“, так появляется название *лех-си*. Поляка они называют *полек* или *полах*, свою страну *Лексистан*, а Польшу *Лекистан*. Поэтому в названиях почти нет никакой разницы». Доказательством проживания поляков в Дагестане также могли быть названия гор – гора Куя-даг была связана с Куявами⁶⁶, в то время как Гуниб с гунями⁶⁷, которые традиционно носили куявяки. М. Гралевски закончил свой рассказ так: «Я не знаю, на чем остановился изучающий Кавказ Лазарев, но слышал, что он долго трудился над названиями гор, ручьев и деревень, напоминавшими ему польские названия» [34, с. 322–323].

О популярности теории, которая связывала поляков с Кавказом, также свидетельствует информация, представленная Л. Видершалем⁶⁸ в работе “Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej 1831–1864”. На основе архивных материалов он писал, что к Михалу Чайковскому⁶⁹ в Константинополь прибыл в 1840-х гг. один мистик по фамилии Гротовски, который ранее служил в царской армии. Он хотел каким-то необычным способом, «духом», свергнуть русское владычество на Кавказе, который считал первой обителью славян, и в связи с этим называл горы истинной родиной поляков. Как отметил Л. Видершаль, к идее Гротовского А. Чарторыйски относился скептически, но одновременно не хотел прерывать с ним контакты [35, с. 100–101].

В наше время большинство польских ученых разделяют позицию, которую занимал И. Лелевель. Они склоняются к теории автохтонного происхождения славян, в том смысле, что их прародина находилась где-то на территории современного обитания славян, хотя нет единого мнения, где именно⁷⁰. Одновременно отвергнута идея, что в этногенезе поляков важную роль сыграли народы Кавказа. В свою очередь корнем названий *Polska/Польша* и *Polacy/поляки* признается чаще всего общеславянское слово *поле*, которое функционировало, возможно, уже в праиндоевропейском языке и означало изначально равнину, пригодную для обработки земли [36, с. 64]. Вероятнее всего, сходную этимологию имеет название *лях*, которое лингвисты связывают с западнославянским племенем *лендзян*. В нем содержится праславянский корень *лед*, откуда произошло слово *леда*, означающее территорию, пригодную для выращивания [37, с. 32].

Теория о кавказском происхождении предков поляков часто представляется в настоящее время в качестве легенды. Именно так преподнесли ее Гражина и Анджей Милоши в своей книге путешествий по Кавказу, изданной в 1979 г. [38, с. 69]. То же самое сделал польский журналист и путешественник Рышард Бадовски в своей книге “Lechici znad

Тереку” (рус. «Лехичи из окрестностей Терека») [39, с. 6], но уже само ее название предполагает связь поляков с территорией, находящейся вблизи одной из главных кавказских рек. Автор описал в ней свое путешествие на Кавказ, прежде всего в Осетию, и следовал при описании теории А. Мицкевича. И хотя сам он считал ее недоказанной, однако увидел много общего между поляками и осетинами.

Легенда о кавказском происхождении предков поляков появляется также и в современной публицистике. Здесь в качестве примера можно привести статью, опубликованную в одном из самых читаемых польских еженедельников – “Wprost” (см.: [40]). Цель статьи, которая в своем звучании очень прогрузинская, можно увидеть в стремлении продвигать «вечную польско-грузинскую любовь и дружбу». В ней приведена концепция А. Мицкевича о кавказском происхождении польской шляхты. В то же время автор статьи указал, что поэт считал грузин братским народом, и это было выделено в тексте жирным шрифтом, чтобы обратить внимание читателя. Здесь видна манипуляция (трудно сказать, была ли она намеренной или явилась результатом незнания исходных текстов), потому что в действительности нет никаких источников, свидетельствующих, что А. Мицкевич признавал грузин «братским» полякам народом. Как уже отмечалось выше, он не приписывал лазов, которых считал предками ляхов – прародителей польской шляхты, к картвельским народам. Кроме того, именно грузины, по мнению поэта, наряду с армянами и персами, были теми, кто уничтожил их царство на Кавказе, после того как одна из групп лазов/ляхов отправилась на славянские земли и дала начало полякам.

Сведения, приведенные выше, свидетельствуют о том, что, хотя концепция о происхождении поляков в настоящее время представляется несостоятельной с научной точки зрения и рассматривается как мифологема, тем не менее, она все еще может быть аргументом для ведения наррации о дружбе поляков с народами, живущими на Кавказе.

Данная статья первоначально была опубликована в журнале “Sensus Historiae”, 2016, vol. XXV, N 4, s. 27–50 [47].

This paper has been originally published in “Sensus Historiae”, 2016, vol. XXV, no 4, pp. 27–50 [47].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сарматы – союз кочевых ираноязычных племен, обитавших в евразийских степях от Приаралья до Дуная и известных по письменным источникам в III в. до н.э. – III в. н.э.

² Вандалы – группа восточногерманских племен, которые на рубеже эр населяли современные польские земли.

³ Викентий Кадлубек (1160–1223) – краковский епископ и летописец, один из выдающихся деятелей в истории польской культуры.

⁴ Ян Длугош (1415–1480) – польский историк, географ, дипломат, священник, воспитатель детей короля Польши Казимира IV.

⁵ Сочинение “Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae” Я. Длугош написал в 1455–1480 гг.

⁶ Согласно Книге Бытия Иафет был одним из трех сыновей Ноя, братом Сима и Хама. Многие религиозно мотивированные историографы видят в Иафете символического предка индоевропейцев.

⁷ Земля Сеннаар неоднократно упоминается в Ветхом Завете и отождествляется чаще всего с Вавилоном.

⁸ Паннония в древние времена была одной из римских провинций и занимала земли, включающие западную часть современной Венгрии и Словакии, Восточную Австрию, а также Северную Словению, Хорватию, Сербию и Боснию и Герцеговину.

⁹ Станислав Сарницки (1532–1597) – польский историк, летописец, географ и религиозный деятель.

¹⁰ Ян Кохановски (1530–1584) – польский поэт эпохи Ренессанса, переводчик, был познаньским пастырем и королевским секретарем.

¹¹ Легенда о Лехе, Чехе и Русе, которые основали Польшу, Чехию и Русь, впервые была отмечена в так называемой Польско-Венгерской хронике начала XIII в.

¹² Я. Кохановски имел в виду зиков. Этнонимом *Zygoi*/Зигои Страбон называл народ, живущий на севере Колхиды. Его различные варианты – зихи, зиги, чики, зикхи, джики – древние греки и римляне использовали в качестве названия древних адыго-абхазских племен.

¹³ Ян Скорски (1691–1751) – польский писатель эпохи барокко.

¹⁴ Гуго Коллонтай (1750–1812) – польский политик, историк, публицист.

¹⁵ Иоахим Лелевель (1786–1861) – историк и политический деятель, член возглавляемого Адамом Чарторыйским Административного совета во время ноябрьского восстания в 1830–1831 гг. и член Национального правительства Польского Царства. Был родом из полонизированной прусской шляхты (его дед носил фамилию фон Ловенспрунг).

¹⁶ Тевтоны – древнегерманское племя, первоначально жившее на западном побережье Ютландии и в низовье р. Эльбы. В конце II в. до н.э. вторглись в Галлию, затем в Северную Италию. Информация о тевтонах перестает появляться в источниках после 102 г. до н.э., когда они были разбиты римлянами.

¹⁷ Гунны – кочевые разноэтнические племена степной Евразии конца IV–VII вв.

¹⁸ Вавжинец Суровецки (1769–1827) – польский славист, географ, антрополог, просветитель и педагог.

¹⁹ Гето-даки – народ фракийского происхождения, населявший в античный период Дакию – область на левобережье Дуная, примерно соответствующую современной территории Румынии и частично Венгрии. Греки называли этот народ гетами, а латинские писатели – даками.

²⁰ Аланы – кочевые ираноязычные племена, известные по античным письменным источникам с I в. н.э. и обитавшие в Волго-Донском междуречье и Предкавказье, на Северном Кавказе. С конца IV в. часть алан мигрировала в Западную Европу и Северо-Западную Африку. В Средневековье часть алан известна под именем асы/ясы/осы (ясы – венгерская этническая группа аланского происхождения, населяющая область Яс-Надькун-Сольнок в Венгрии). От этнонима *ас*, груз. *осэти* (ოსეტი) происходит современное название осетин, распространившееся в других языках.

²¹ Адам Мицкевич (1798–1855) – поэт, публицист, видный деятель польского национального движения, один из трех великих польских поэтов эпохи романтизма наряду с Юлиушем Словацким и Зигмунтом Красинским. Во время учебы в Вильнюсском университете посещал лекции И. Лелевеля.

²² Адам Мицкевич отождествлял эти два народа – ариев и мидян. Арии – индоиранские племена, которые в III–II тыс. до н.э. обитали в степной зоне Евразии, затем мигрировали в Иран, Афганистан, Индию; потомками их являются исторические и современные иранские и индоиранские народы. Мидяне – древний народ иранского происхождения, населявший в конце II–I тыс. до н.э. область Мидию, расположенную на северо-западе современного Ирана и юго-востоке Турции. Мидийское государство было образовано ок. 700 г. до н.э. со столицей в Экбатанах (совр. Хамадан на западе Ирана).

²³ Керкеты – этноним, который использовали греческие и римские авторы для обозначения древних племен Северо-Западного Кавказа, предков современных адыгов.

²⁴ Леги, согласно Страбону (Geogr., XI.5.1), племя, обитавшее на Восточном Кавказе вместе с гелами между албанами и амазонками. Обычно рассматриваются как одно из албанских племен и идентифицируются как предки современных лезгин, реже – лакцев.

²⁵ Лех – легендарный родоначальник поляков. Происхождение названия *лех/лях* точно не объяснено. Согласно наиболее распространенной версии оно происходит от западнославянского племени *лендзян*, которое получило название от праславянского и старопольского слова *леда*

(рус. *ляда*, *лядина*), означающего поле, образованное после корчевания выжженного леса, и которое происходит от того же корня, что и испанское *landa*, французское *la lenda* или немецкое *das Land*. Эту версию выдвинул Антони Малецки (1821–1913) – польский историк, ученик Леопольда Ранке, ректор Львовского университета (см.: [41, с. 37]). По мнению П.Й. Шафарика (1795–1861), в основе слова *лях* лежит нарицательное существительное *леха*, представленное почти во всех славянских наречиях со значением «борозда, гряда, поле» (см.: [42]).

²⁶ Происхождение современных этнонимов *лезгин* и *лак* не объяснено полностью. По мнению В.И. Абаева (1900–2001), этноним *лак* имеет связь с осетинским *лак* – «человек, мужчина» (см.: [43, с. 732]). Следует также отметить, что во многих дагестанских языках (напр., в аварском, даргинском или лакском) слово *лагъ* означает «раб».

²⁷ Следует отметить, что И. Лелевель по-разному объяснял термин *ляхи* на протяжении всей своей научной деятельности. Например, в начальный период он толковал его как общее название этнических групп, из которых затем образовались поляки, т.е. полян, поморян, мазовшан и т.д. Подробнее о мнении И. Лелевеля см.: [41, с. 121–124]. Это мнение основывалось на известном сообщении Нестора Летописца: «Славяне же те пришли и сели на Висле, прозавшись Ляхами, а от тех Ляхов прозвались Поляне Ляшские, другие Лютичи, иные Мазовшане, а иные Поморяне».

²⁸ Современная р. Риони в Западной Грузии.

²⁹ В польском языке нет языкового различия между аварцами и аварами. Обе группы определяются одним и тем же термином – *Awarowie*. По этой причине термин, используемый А. Мицкевичем, на русский язык можно перевести как аварцы, так и авары.

³⁰ См.: [18, с. 31]. Таким образом, по словам А. Мицкевича, территория, по которой «бродили» лазы, соответствует району их современного расселения на северо-востоке Турции.

³¹ А. Мицкевич, вероятно, имел в виду иронцев – самый многочисленный субэтнос осетин.

³² Оси – грузинское название осетин.

³³ Речь идет о дидойцах (самоназвание – *цези*) – малочисленном народе, проживающем в основном в Цунтинском районе Дагестана, язык которых относится к аваро-андийско-цезской группе нахско-дагестанской семьи языков.

³⁴ А. Мицкевич под *акоучи*, вероятно, имел в виду акушинцев-даргинцев – представителей общества Акуша-Дарго (ныне Акушинский район Дагестана).

³⁵ Грузины называют термином *леки* всех жителей Дагестана, без деления на конкретные народы и этнические группы. И сейчас кахетинцы называют леками жителей нескольких аварских деревень в Восточной Грузии.

³⁶ А. Мицкевич отождествлял аварцев Дагестана с аварами Паннонии. Этногенез последних не выяснен. Одна из наиболее популярных версий предполагает происхождение паннонских аваров от племени жужаней – кочевого народа, жившего у северных границ Китайской империи и переселившегося в середине VI в. под давлением тюркютов сначала на Северный Кавказ, а затем в Европу. В наше время идею о связи паннонских аваров с дагестанскими аварцами большинство ученых отрицает как не имеющую научной основы.

³⁷ Фредегар – франкский летописец VII в., автор хроники “*Historia Francorum*”.

³⁸ Нестор – древнерусский летописец, агиограф конца XI – начала XII в., монах Киево-Печерского монастыря, один из авторов «Повести временных лет».

³⁹ Левоча – город в Восточной Словакии.

⁴⁰ Ликавка – деревня в Северной Словакии.

⁴¹ Легнава – деревня в Северной Словакии.

⁴² Лазы – название пика в Сланских горах в Восточной Словакии.

⁴³ Вероятно, А. Мицкевич имел в виду местность и деревню, которая в настоящее время называется Кремпахы и находится в Южной Польше, близ границы со Словакией.

⁴⁴ В настоящее время считается, что слово *шляхта* происходит от старонижнемецкого *slahta*, в современном немецком – *Geschlecht*, означающего «род». См.: [44, с. 550].

-
- ⁴⁵ П. Ф. Парисиус (1596–1667) – иезуит, занимался геральдикой.
- ⁴⁶ К. Несецкий (1682–1744) – теолог, геральдист.
- ⁴⁷ Готфрид Ленгних (1689–1774) – прусский историк, юрист, политический деятель, родился в Гданьске, автор 9-томной “Geschichte der preussischen Lande polnischen Antheils”, а также воспитатель детей Станислава Понятовского, среди которых был Станислав Август, который позже стал королем Польши и великим князем литовским (1764–1795).
- ⁴⁸ Видукинд – саксонский летописец X в., монах, автор сочинения “Res gestae saxonicae sive annalium libri tres”, в которой впервые упоминается о существовании польского государства.
- ⁴⁹ Ян Баптист Альбертранди (1731–1808) – римско-католический епископ, историк, поэт, главный цензор, назначенный российским комендантом Варшавы после подавления восстания Костюшко в 1794 г. Его основной исторический труд – “Dzieje Królestwa Polskiego krótko porządkiem lat opisane” (Lwów, 1766).
- ⁵⁰ Теодор Вага (1739–1801) – польский священник-пиарист, юрист, историк и географ, автор популярного труда “Historia książąt i królów polskich krótko zebrana” (Warszawa, 1770), выдержавшего свыше 20 изданий до 1864 г.
- ⁵¹ Юзеф Каетан Скшетуски (1743–1806) – польский пиарист, историк, педагог, поэт и публицист, автор нескольких учебников истории.
- ⁵² Адам Нарушевич (1733–1796) – польский иезуит, епископ Смоленский и Луцкий, придворный историк, переводчик, поэт, был сподвижником последнего короля польского и великого князя литовского Станислава Августа Понятовского.
- ⁵³ Юзеф Сенковски (1800–1858) – польский востоковед, политолог.
- ⁵⁴ „Przegląd Poznański” – культурный ежемесячник, издававшийся на польском языке в Познани в 1845–1865 гг. Благодаря консервативной редакционной линии журнал не был запрещен прусскими властями.
- ⁵⁵ Статья была подписана только инициалами – A.Z.
- ⁵⁶ Ю. Клапрот, считая, что термин *leh* произошел из аварского языка, нигде в своей работе не связывал его с польскими *лехами/ляхами*. См.: [45, с. 292].
- ⁵⁷ Павел Шафарик (1795–1861) – словацкий этнограф и историк, автор книги “Slovanské starožitnosti”.
- ⁵⁸ Польская хроника “Cronicae et gesta ducum sive principum Polonorum” была написана на латыни неизвестным автором, именуемым в историографии Галлом Анонимом, скорее всего, в 1113–1116 гг. при дворе польского князя Болеслава Кривоустого. Самая старая рукопись хроники датируется XIV в. Автор указанной статьи не привел какого-либо определенного фрагмента хроники, который, по его мнению, предполагал бы связь Польши с Кавказом.
- ⁵⁹ Юлиуш Словацкий (1809–1849) – польский поэт и драматург, один из трех великих польских поэтов эпохи романтизма наряду с Адамом Мицкевичем и Зигмунтом Красинским.
- ⁶⁰ Попель – легендарный правитель Польши начала IX в.
- ⁶¹ Адам Чарторыйски (1770–1861) – польский и российский государственный деятель, министр иностранных дел Российской империи в 1804–1806 гг. Во время ноябрьского восстания 1830 г. в Польше стал председателем Временного правительства. После его подавления А. Чарторыйски эмигрировал во Францию и предпринимал шаги по восстановлению независимости Польши.
- ⁶² Михал Стахович (1768–1825) – польский художник-график, литограф и иллюстратор книг; в его творчестве главное место занимали исторические сцены.
- ⁶³ Возможно, речь идет об Иване Лазареве (1820–1879), который служил в Ширванском полку в то же время, что и М. Гралеvски.
- ⁶⁴ Чох – аварский аул в Гунибском районе Дагестана.
- ⁶⁵ В действительности самоназвание лезгин – *лезгияр*.
- ⁶⁶ Куявия – историко-этнографическая область в Центральной Польше.
- ⁶⁷ Гуня – вид мужской верхней одежды.
-

⁶⁸ Людвик Видершаль (1909–1944) – один перспективных молодых историков, получивших образование в Польше в межвоенный период; специализировался на истории Балкан и Кавказа.

⁶⁹ Михал Чайковски (1804–1886) – поэт и борец за независимость Польши, руководитель Центрального агентства Восточной Миссии Отеля Ламберт, назначенный Адамом Чарторыйским.

⁷⁰ Дискуссию на эту тему см., напр.: [46].

ЛИТЕРАТУРА

1. Mistrza Wincentego, zwanego Kadłubkiem, biskupa krakowskiego. Kronika Polska. Kraków, 1862. S. 45.
2. *Rylke J.* My Polacy. Warszawa, 2016. S. 7.
3. Jana Długosza kanonika Krakowskiego Dziejów Polskich ksiąg dwanaście. T. I. Kraków, 1867. S. 3.
4. *Sarnicki S.* Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lithuanorum libri VIII. Księga 1. Kraków, 1587. S. 21–22.
5. *Kochanowski J.* O Czechu y Lechu historia nagoniona. Kraków, 1589. 32 s.
6. *Maślanka J.* Literatura a dzieje bajeczne. Warszawa, 1984. 336 s.
7. *Kochanowski J.* Proporzec albo hołd pruski. Kraków, 1587. S. 13.
8. *Калоев Б.* Записки кавказоведа. Владикавказ, 2002. С. 229.
9. *Krzywy R.* Jan Skorski Lech polski (1751) – fragment pieśni I w przekładzie Benedykta Kotfickiego // „Umysł stateczny i w cnotach gruntowny”. Prace edytorskie dedykowane pamięci Profesora Adama Karpińskiego / red. *R. Grześkowiak, R. Krzywy.* Warszawa, 2012. S. 279.
10. *Skorski J.* Lech Polski albo wolnego i złotego narodu polskiego początki, starożytność, fortuna i różne sukcesów odmiany. Lwów, 1751. S. 6.
11. *Kollątaj H.* Rozbiór krytyczny zasad historyi o początkach rodu ludzkiego. Kraków, 1842. S. 300–303.
12. *Lelewel J.* Dzieje Polski. Warszawa, 1829. S. 14–15.
13. *Lelewel J.* Narody na ziemiach słowiańskich przed powstaniem Polski, tom wstępny. Poznań, 1853. 891 s.
14. *Lelewel J.* Wyjątek z rozprawy historycznej // Biblioteka Warszawska. 1842. N 2. S. 71–81.
15. *Waśko A.* Adam Mickiewicz o historii Polski // Historia ma konsekwencje. Mickiewicz, Mochnecki, Norwid, Witkacy o dziejach Polski / red. *A. Rzegocki.* Kraków; Warszawa, 2012. S. 15–50.
16. *A.Z.* Geographie du moyen Age, etudiee par Joachim Lelewel // Przegląd Poznański. T. XXI. 1855. S. 1, 20–23.
17. *Zawadzka D.* Paralela recepcji. Lelewel i Mickiewicz w odbiorze literaturoznawców i historyków // Sensus Historiae. 2014. Vol. 15, N 2. S. 187.
18. *Mickiewicz A.* Pisma historyczne. Wykłady lozańskie. Warszawa, 1997. 430 s.
19. *Lelewel J.* Polska wieków średnich. T. I. Poznań, 1855. S. 242–243, 271.
20. Kronika węgierska i czeska. Warszawa, 1823. S. 105.
21. *Niesiecki K.* Herbarz polski. T. VI. Lipsk, 1841. S. 15.
22. *Niesiecki K.* Herbarz polski. T. IX. Lipsk, 1842. S. 15, 70.
23. *Kleczewski S.* O początku dawności, odmianach y wydoskonaleniu języka polskiego. Lwów, 1767. S. 32.
24. *Klemensiewicz Z.* Historia języka polskiego. T. II. Warszawa, 1985. S. 471.
25. *Małeckie A.* Lechici w świetle historycznej krytyki. Lwów, 1907. S. 97.
26. *Naruszewicz A.* Historia narodu polskiego. T. I. Warszawa, 1830. S. 117, 242, 257.
27. *Naruszewicz A.* Tauryka, czyli wiadomości starożytne i późniejsze o stanie i mieszkańcach Krymu do naszych czasów. Warszawa, 1805. S. 123.
28. Pisma Aleksandra Jabłonowskiego. T. VII. Warszawa, 1913. S. 78, 121.

29. *Sęnkowski J.* Collectanea z dziejopisów tureckich rzeczy do historyi polskiej służących. Warszawa, 1824. S. 246.
30. *Lelewel J.* Krótkie zbiory historii polskiej Lengnicha, Szmita i Albertrandego, Teodora Wagi, Jerzego Samuela Bandtke // *Dziennik Wileński*. T. 3, N 15. S. 260.
31. *Słowacki J.* Król-Duch. Kraków, 2002. 68 s.
32. *Kiślak E.* Car-trup i król-duch. Warszawa, 1991. S. 351.
33. *Surzycki J.* Obrazy Dagestanu // *Biblioteka Warszawska*. T. II. 1858. S. 234.
34. *Gralewski M.* Kaukaz. Wspomnienia z dwunastoletniej niewoli. Poznań, 2014. S. 322–323.
35. *Widerszal L.* Sprawy kaukaskie w polityce europejskiej 1831–1864. Warszawa, 2011. S. 100–101.
36. *Lehr-Splawiński T.* Język polski. Warszawa, 1978. S. 64.
37. *Lehr-Splawiński T.* Lędzice-Lędzianie-Lachowie // *Opuscula Casimiro Tymieniecki septuagenario dedicata*. Poznań, 1959. S. 32.
38. *Grażyna i Andrzej Miłoszowie.* Kaukaz. Warszawa, 1979. S. 69.
39. *Badowski R.* Lechici znad Tereku. Warszawa, 1977. S. 6.
40. *Geremek R.* Nasza Gruzja // *Wprost*. № 37. 14.09.2008.
41. *Malecki A.* Lechici w świetle historycznej krytyki. Lwów, 1907. S. 37, 121–124.
42. *Шафарик П.Й.* Славянские древности. От Геродота до падения Гуннской и Римской держав (465 до н.э. – 469–476 н.э.) / пер. с чеш. *О.М. Бодянского*. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2015. С. 476.
43. *Энциклопедический словарь-справочник лингвистических терминов и понятий*. Т. II / под общ. ред. *А.Н. Тихонова, Р.И. Хашимова*. М., 2014. С. 732.
44. *Brückner A.* Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1993. S. 550.
45. *Klaproth J.* Voyage au Mont Caucase et en Georgie. Paris, 1836. P. 292.
46. *Mańczak W.* Praojczyzna Słowian. Warszawa; Wrocław, 1981. 154 s.
47. *Adamczewski P.* Ludy Kaukazu w wyobrażeniach o etnogenezie Polaków i utworzeniu państwa polskiego // *Sensus Historiae*. 2016. Vol. XXV, N 4. S. 27–50.

Поступила в редакцию 02.05.2017 г.
Принята к печати 26.12.2017 г.